

Прозументик, 2018 – *Прозументик К. В.* Дореалогия: истоки и становление философии дара // *Философия и культура*. 2018. № 7. С. 51-58. С. 58.

Сальников, Сальникова, 2024 – *Сальников Е. В., Сальникова И. Н.* Досуговые сообщества в условиях специальной военной операции (на примере посткроссинга) // *Abyss (Вопросы философии, политологии и социальной антропологии)*. 2024. № 1 (27).

Уракова, 2013 – *Уракова А.* Семинары РАШ в рамках проекта «Антропология дара» // *Труды Русской антропологической школы*. 2013. № 12. С. 176-180.

Шабурова, 2021 – *Шабурова О. В.* Советский мир в открытке. М.; Екатеринбург: Кабинетный учёный, 2021. 328 с.

God, 1999 – *God, the Gift, and Postmodernism / Eds. John D. Caputo and Michael J. Scanlon.* Indiana University Press, 1999;

Tett, 2021 – *Tett G.* Anthro Vision. How Anthropology Can Explain Buisness and Life. NY, Ballantine Books, 2021.

The Logic, 1997 – *The Logic of the Gift: Towards an Ethics of Generosity / Ed. Alan D. Schrift.* Routledge, 1997;

The Question, 2002 – *The Question of the Gift: Essays Across Disciplines / Ed. Mark Osteen.* Routledge, 2002.

УДК 130.3

Курабцев В. Л.,

*доктор философских наук, доцент,
профессор кафедры социально-гуманитарных дисциплин и менеджмента
факультета государственного и муниципального управления,
Московский социально-педагогический институт (МСПИ)*

Нюансы метафизики Духовной цивилизации

DOI: 10.33979/2587-7534-2025-1-162-176

*В статье исследуется специфика Духовной цивилизации в сравнении с рассудочной и индивидуалистической Западной цивилизацией. Предпринимается попытка выявить эзотерический смысл либеральных основ Запада – *liberté, égalité, fraternité*.*

Особое внимание уделяется нюансам метафизики России-цивилизации. Через нюансы проходит поиск «другой Мысли» и «другой формулы» Духовной цивилизации. Негативно оценивается намерение сделать из России «второе издание» Европы. Аргументируется невозможность предоставить грешного человека собственной свободе совести. Показана ошибочность идеи непосредственного перехода России к лучшему, высшему порядку, минуя стадию европейского капитализма.

Оцениваются существенные аспекты этой цивилизации: Россия - «слишком», небуржуазность, неэгоистичность, братское начало, духовность. Выявляется специфика русской этнической природы и личности. Аргументируются негативные аспекты Западной цивилизации, причины развития разрушительных начал в ней и знаки ее упадка. Ее научно-технический прогресс приобретает черты «унизительности» для человеческого достоинства и расцвета. Подчеркивается потакание греховной разнузданности отдельных людей, дехристианизация, дегуманизация, фатальное упрощение человеческого (только социокультурного) существа и сущности, подмена высоких ценностей массовыми и материальными, утрата Бога.

Приводятся доказательства пассионарности и активизирующегося «пути мирового духовного лидерства» Русской цивилизации.

Ключевые слова: метафизика Духовной цивилизации, европейская цивилизация, Россия «слишком», Россия не-буржуазная, братское начало, Россия неэгоистическая, упадок Запада, специфика русской этнической природы.

Kurabtsev V. L.,

*Doctor of Philosophy (2006), Associate Professor,
Professor of the Department of Social and Humanitarian
Disciplines and Management of the Faculty of Public and
Municipal Administration of the Moscow Socio-Pedagogical Institute (MSPI).*

Nuances of metaphysics of Spiritual civilization

The article examines the specifics of Spiritual civilization in comparison with the rational and individualistic Western civilization. An attempt is made to reveal the esoteric meaning of the liberal foundations of the West – liberté, égalité, fraternité.

Special attention is paid to the nuances of the metaphysics of Russia-civilization. The search for "another Thought" and "another formula" of Spiritual civilization goes through the nuances. The intention to make Russia the "second edition" of Europe is negatively assessed. The impossibility of providing a sinful person with his own freedom of conscience is argued. The fallacy of the idea of Russia's direct transition to a better, higher order, bypassing the stage of European capitalism, is shown.

The essential aspects of this civilization are evaluated: Russia is "too", non-bourgeois, unselfishness, fraternal nature, spirituality. The specifics of the Russian ethnic nature and personality are revealed. The negative aspects of Western civilization, the reasons for the development of destructive principles in it and the signs of its decline are argued. Its scientific and technological progress acquires features of "humiliation" for human dignity and flourishing. It emphasizes the indulgence of sinful unbridleness of individuals, de-Christianization, dehumanization, the fatal

simplification of human (only socio-cultural) being and essence, the substitution of high values with mass and material ones, the loss of God.

The evidence of passionarity and the activating "path of world spiritual leadership" of the Russian civilization is given.

Keywords: *metaphysics of Spiritual civilization, European civilization, Russia "too", non-bourgeois Russia, fraternal origin, nonegoistic Russia, decline of the West, specifics of Russian ethnic nature.*

«Русские – это не только национальность, а цивилизация»,
Курносов Ю. В. *Философия аналитики*. М.: ООО «РИТМ»,
2016, 320 с. (Серия «Русская аналитическая школа»). с. 14.

Введение

Метафизика нашей цивилизации, безусловно, чрезвычайно сложна и в то же время как бы проста. В статье проведено исследование метафизических особенностей Русской цивилизации через нюансы, имеющие фундаментальное значение для пути и судьбы России. Этой проблематикой занимались многие русские и российские мыслители – А. С. Пушкин, Ф. М. Достоевский, К. Н. Леонтьев, Н. А. Бердяев, В.В. Зеньковский, И. А. Ильин, Н. С. Трубецкой, А. С. Панарин и другие.

Цель исследования

Целью статьи является новый подход к проблеме – через мелкие «нюансы» метафизики России и ее народа подойти к пониманию сути тайны русской души, России и русского пути. Аналитически и герменевтически выйти на более глубокие обобщения и предложить особый взгляд по осмыслению указанных проблем.

Методология и методы исследования

Отсюда следует выбор методологии и методов исследования: это метод философской аналитики, герменевтический метод, цивилизационно-сравнительный метод и метод восхождения от абстрактного к конкретному.

Результаты исследования

А. С. Пушкин глубоко, но, возможно, радикально, оценил специфику родной цивилизации следующим образом: «Россия никогда ничего не имела общего с остальной Европой. <> История ее требует другой Мысли, другой формулы» [Тютчев, 2016: 448, цит. Пушкина]. На самом деле, общее с очевидностью есть, причем значительное, но и существенные отличия тоже заметны. Да, «умом Россию не понять» (Тютчев), но верна и обратная мысль, пусть, вероятно, и менее значимая.

Большие сомнения возникают тогда, когда пытаются скопировать Европу, и, как показал опыт 90-х годов XX века, это получается не вполне достаточно и не вполне удачно. Случайно ли это?

В какой-то заметной мере сделать из России Европу необходимо и крайне полезно – в новейших технологиях, в социокультурной организации, комфорте и разных формах прогрессивного развития. Но чрезмерное, тем более духовное

копирование видится исключительно губительным. Как заметил Н. К. Михайловский, «ввиду катящейся на нас лавины европейской цивилизации» нужно присоединиться к тем, кто «не хочет сделать из России второе издание Европы, не хочет буквального повторения всего европейского опыта» [Тютчев, 2016: 100, цит. Михайловского]. Михайловский размышлял о «возможности непосредственного перехода к лучшему, высшему порядку, минуя среднюю стадию европейского развития, стадию буржуазного государства. Мы верили, что Россия может проложить себе новый исторический путь, особый от европейского» [Тютчев, 2016: 100, цит. Михайловского]. Один из таких новых путей был реализован в XX веке, и его исторический провал не позволяет соглашаться с Михайловским. Но Россия пошла через колдобины, непроходными путями, с резкими поворотами и крушением утопий. И может ли быть у России иной путь? Удобный и комфортный, сытый и преуспевающий? Не есть ли такой путь – путь смерти (и не только для России)?

О нашей не-европейскости писали многие иностранцы: так, например, просвещенный французский маркиз де Кюстин, который (и в это можно поверить) стремился к «объективности» (но далеко не достиг цели). Во-первых, для него все в Российской империи Николая I «якобы»: «якобы цивилизованный народ»; «вас окружают дикари»; якобы европейский город (о Санкт-Петербурге); якобы европейская культура и так далее [Кюстин, 2008: 142]. И при этом де Кюстину, конечно, не открылась тайна русской православной души, но он заметил «превосходные задатки» русской нации [Кюстин, 2008: 19], восхитился русским государством.

России действительно другая Мысль нужна и другая формула нужна, и без чрезмерного уподобления западным странам. И тем более без слишком сильного самопривязывания к Азии (в духе евразийцев). Мы всегда жили рядом с Европой, мы всегда испытывали культурную диффузию со стороны Европы, мы во многих сферах материальной и духовной культуры близки Европе, мы и внешне мало отличаемся от европейских народов.

Но важно подчеркнуть и отличия русских и Русской цивилизации от западных людей и Западной цивилизации. Противоречивы уже сами определения этих цивилизаций. Как было подмечено Н. В. Гоголем в его письме к В. Г. Белинскому: «Вы говорите, что спасение России в европейской цивилизации, но какое это беспредельное и безграничное слово!» [Зеньковский, 2005: 36-37, цит. Гоголя]. В этом слове, как полагал Гоголь, – очень разные начала, в том числе, и крайне *разрушительные*. Можно некоторые из них назвать: анархизм, коммунизм, нацизм, расизм, фундаментальный либерализм и другие. Как-то нам все это не слишком присуще и полезно.

Как полагал Н. А. Бердяев, «Россия никогда окончательно не выходила из средневековья, из сакральной эпохи» [Зеньковский, 2005: 135, цит. Бердяева]. Церковь так или иначе главенствовала, с соответствующими достоинствами этого и недостатками. «Русский народ ... не может создать срединного гуманистического царства, он не хочет правого государства в европейском смысле слова. Он хочет или царства Божьего, братства во Христе, или

товарищества в антихристе, царство князя сего мира. В русском народе всегда была исключительная, неведомая народам Запада, отрешенность» [Зеньковский, 2005: 135, цит. Бердяева]. «Отрешенность» – значит, другая мысль и другая формула, причем, скорее всего, *более ценная* как для России, так и для всего мира. И это лишь частично «ислам» (*араб.* покорность) магического человека О. Шпенглера (человека иудаизма, христианства и ислама). Это уже *Религиозный вопрос* о близости к Богу.

Иван Аксаков глубоко вскрыл сущность европейского нигилизма: «В самом деле, что же такое все эти современные анархисты и революционеры? Это новая порода диких – во всеоружии науки и культуры, это мошенники – во имя честности и правды, это звери ради гуманности, это разбойники прогресса» [Зеньковский, 2005: 68]. И не эти ли «разбойники» и «звери» восторжествовали в России в 1917 году? Они обманули самих себя и тем более других идеологами о Научности Учения, о необходимости Революции и «всемирной победе пролетариата».

Можно посмотреть на нигилизм Западной цивилизации, следуя за Н. А. Нарочницкой и замечая его первоначала: идеи Просвещения – *liberté, égalité, fraternité* – только на экзотерический взгляд просты и понятны. Однако можно и иначе увидеть их вероятную (эзотерическую) суть: «*Liberté* – свобода от нравственных табу». А «*égalité* – уравнивание греха и добродетели и ниспровержение богоданной иерархии («Почитай отца и мать») могли служить только тайной власти некоего *fraternité* – братства избранных» [Нарочницкая, 2004: 31]. В качестве аргумента Нарочницкая приводит ссылку на «некоторые документы» дирижеров «великой» революции, особенно «Луи-Абель Бефруа-Рейньи, именуемого кузеном Жаком» [Нарочницкая, 2004: 31] (фактически, он – предшественник современных политтехнологов). За «братством избранных» просматривается мстительное тайное общество тамплиеров (и их последователей) с «клятвой вечной ненависти к французскому королевскому дому и католической церкви, а также началам монархии и церковности» [Нарочницкая, 2004: 32].

А профанам сознательно подавалась воспламеняющая символика и энергетические импульсы разрушения. И эта «подозрительно упрощенная картина мира» утвердилась в западных умах, причем до настоящего времени! [Панарин, 2006: 29]. Не есть ли всякое чрезмерное упрощение – великий обман (от земного князя)?

Изменения

Если посмотреть на специфику Русской цивилизации упрощенно, то все может показаться почти сразу «понятным»: мы – православные, мы – «соборные» (или коллективисты), мы – с доброй, простой душой и так далее. Но это упрощение никуда не ведет. Проблема, вероятно, в принципе не решается уже в силу того, что история национальная и мировая выписывает свои письмена всегда по-новому, а народ, сохраняя в значительной степени свою психологию и менталитет, преобразуется иногда до неузнаваемости. Например, Н.А. Бердяев отметил появление после большевистского переворота не больше, не меньше –

представителей достаточно многочисленного «нового антропологического типа»!

А. С. Панарин подхватил эту мысль: «Большевистский «новый человек» оказался несравненно грубее, примитивнее, одномернее, чем тот многослойный и многомерный дореволюционный антропологический тип, который подвергся столь безжалостной чистке. Если сравнить теперь формацию «новых русских» с предшествующим ей «советским человеком», то трудно отрешиться от впечатления, что мы имеем дело с новой стадией примитивизации, огрубления и одичания» [Панарин, 2000: 222]. Странная закономерность – от многомерности к одномерности, и, надеемся, обратно.

И этот «антропологический тип» устроил с 1917 года в православно-монархической России настоящий социально-сословный и идеологический геноцид. Бжезинский по этому поводу высказался так: Россия «впадала ... в манихейские страсти по истреблению собственного народа ... в тоталитаризм» [Бжезинский, 2012: 205]. Это надо жестко признать, а не кивать и не поддакивать апологетам беспощадности (то есть демонического начала).

Нечто подобное (метаморфозы человека и социума) происходит и на этапе современных информационных России и Запада. Но, можно предположить, что на Западе (в Европе и Северной Америке) был более линейный процесс. О нем еще в XIX веке Н. К. Михайловский написал так: «Еще философия XVII века, еще первая революция работали все над тем же односторонним усилением личного начала, которое продолжает усиливаться и поныне. В том все горе, вся беда Европы» [Зеньковский, 2005: 99, цит. Михайловского]. Не отсюда ли многие действительные беды Европы XXI века – потакание греховной разнузданности отдельных людей, дехристианизация, дегуманизация, фатальное упрощение человеческого (только социокультурного) существа и сущности, подмена высоких ценностей массовыми и материальными, утрата Бога. Глубока мысль святого отца Иоанна Кронштадтского: «Нет, невозможно предоставить человека собственной свободе совести, потому именно, что он существо падшее, растленное, и у человека страстного и совесть грешная, и свобода растленная, а у иного – и совсем сожженная» [св. Иоанн Кронштадтский, 2012: 373]. Вот и получается не путь, а беда.

Но есть надежда, что у русских (россиян) все сложится лучше. И что «нюансы» метафизики помогут вывести на более глубокое понимание «тайны» русской души, России и русского пути.

Россия – «слишком»

Один из нюансов был подмечен *Ги Меттаном*, который написал о том, что «Россия для Запада по-разному в зависимости от исторического периода – но всегда и во всем – была «слишком»: слишком реакционная и самодержавная по сравнению с конституционными монархиями и республиками XIX века; слишком коммунистическая по сравнению с социал-демократией века XX; слишком «по-путински» консервативная по сравнению с либеральными течениями; слишком ортодоксальная по сравнению с католицизмом и протестантизмом; слишком коллективистская по сравнению с западным культом

индивидуализма; слишком большая для одной страны» [Меттан, 2016: 4]. Отсюда и пропасть непонимания и страха со стороны Запада. Там, где Запад шел достаточно спокойным, «прогрессивным» путем (республика, как бы «социализм», прогрессирующий либерализм, обновленное и, в конце концов, утраченное христианство, индивидуализм и другое), там *Россия «цеплялась» за старое, или решалась на невиданное и радикальное.*

Однако эти «прогрессивные» инновации в Европе уже в XIX веке виделись со стороны пугающе. Так, Н. В. Гоголь писал: «Все носят такие разрушающие, такие уничтожающие начала, что трепещет в Европе всякая мыслящая голова» [Зеньковский, 2005: 36, цит. Гоголя]. И хотя он добавлял, что «никого мы не лучше ... а жизнь наша еще неустроеннее и беспорядочнее, чем у всех других» [Зеньковский, 2005: 36-37, цит. Гоголя], но он ясно видел в России невечерний Божий свет.

Не-буржуазная настроенность

В российском развитии, включая XIX-XXI вв., можно увидеть и отставание (и оно точно было и есть в некоторых аспектах), и опережающее развитие. И следование многовековым традициям, и чудовищное и порой не слишком рациональное экспериментирование (заметное в СССР). Но это, несомненно, *особый*, не без геройства и провалов, путь самой большой страны на планете, страны-цивилизации. Духовной цивилизации. И в последнем – тоже нюанс!

Возможно, «самая большая» и не может иначе выживать, жить и развиваться. Россия постоянно расширялась – на Восток и Север, на Запад и Юг. А. И. Герцен писал: «Россия расширяется по другому закону, чем Америка, оттого что она не колония, не наплыв, не нашествие, а самобытный мир, идущий во все стороны» [Тютчев, 2016: 303, цит. Герцена]. Высказывание спорное, метафизическое, но что-то очень точное было сказано. Шли-то с Православием и часто в языческие земли. Шли не с расистской установкой, а с неким дружелюбием. Шли часто туда, куда нас звали или могли позвать (ища защиту). Шли, неся с собой начала великих Русской и Европейской цивилизаций.

В этом смысле путь Украины страдает обычностью (в Европу и как Европа) и не-собственностью (узкий национализм – это национальный радикализм, то есть национальная крайность, страдающая недостатком даже рассудочности). Страдает обычностью и по преимуществу империалистический, неоколониальный путь США. Впрочем, тут сложнее – тут цели «корпоратократии», то есть американских ведущих банков и корпораций, сращенных с госаппаратом [Перкинс, 2005: 6]. Но впереди развевается флаг демократии и либерализма как окончательного блага для всех людей и народов (без их согласия).

Бердяев даже писал о *не-буржуазной настроенности* русского человека. Казалось бы – вот оно, буржуазное счастье, добивайся и хватай! Ан, нет – давай ему нечто, все-таки, другое. Справедливое, человеческое, христианское, безмерное. Высокое! Давай ему даже не просто личное, семейное, национальное спасение, а мировое спасение! А Достоевский еще раньше и очень глубоко понял этот «нюанс» и сказал удивительные слова: «Нет, народ наш не матерьялист и не

развращен еще духом настолько, чтоб думать об одних только насущных выгодах и о положительном интересе. Он рад духовно, если предстанет великая цель, и примет ее как хлеб духовный» [Достоевский, 1982: 69-70].

«Великая» цель представляла неоднократно – от помощи братьям-славянам и другим народам в XVIII-XIX веках и до коммунистического идеала справедливости и тотального счастья. Правда, имперский идеал сыграл в судьбе России тоже колоссальную роль – его исповедовали в основном высшие слои общества. Что же касается Запада, то там жесткий имперский идеал явно и почти всегда торжествовал, особенно в период колониальных захватов. Это прекрасно подмечено Ф. И. Тютчевым: «И все-таки идея Империи была душой всей истории Запада. Карл Великий. Карл V. Людовик XIV. Наполеон» [Тютчев, 2016: 118]. А далее, как известно, кайзер Вильгельм II, А. Гитлер, Г. Трумен и так далее.

Запад был мотивирован целями *обогащения, территориальных приобретений, всемирной власти, с неизменной, порой скрытой идеологией* национально-культурного превосходства и величия. Это коснулось даже религиозных идеалов и реальных действий Запада эпохи христианского средневековья.

Русский же часто оказывался тем добрым самаритянином, который, как описывает Достоевский в «Дневнике писателя», узнав о зверствах турок в отношении православных болгар, брал с собой девятилетнюю дочку и шел тысячи километров через всю Россию в Болгарию, чтобы воевать с басурманами. «Зачем же ты дочку берешь?» – спрашивали у старого солдата. А он отвечал: «Дочку оставляю у православных болгар, а сам пойду на войну, помочь славянам, братьям по вере».

Характерно ли такое поведение для Запада? Скорее, исключено. Уже в силу его судьбоносного отказа от христианства. Они могут отправиться воевать против «русских варваров», но не из сочувствия к чужим страданиям, а из чувства ненависти к восточным славянам, из чувства расизма, желания «поохотиться» или противостоять «агрессии» России.

Тоталитарный и инвариантный выбор Западом буржуазной демократии и либерализма почти не допускает высоких духовных вещей. Разве что в случаях «защиты» демократии в тех странах, где никто из населения даже не понимает, зачем нужна им такая демократия и зачем ее нужно обязательно принимать. Как заметил А. С. Панарин, возможна аналогия судьбы СССР и Запада в том смысле, что как СССР погиб от одномерности идеи коммунизма, так и Запад погибнет от *одномерности идеи либерализма*. А народ наш (в советское время и во время демократизации) в основном был вынужден принимать чужеродную и разрушительную, по сути, западную идеологию, навязываемую сверху.

Неэгоистическое начало

А русский народ (это не только этнические русские люди) к тому же никогда не принимал *все эгоистическое*, например, национализм (тем более узкий национализм). Принимали только ничтожные маргинальные слои. В 1829 г. Генрих Гейне по этому поводу заметил: «Ведь русские уже благодаря размерам

своей страны свободны от узкосердечия языческого национализма» [Тютчев, 2016: 299, цит. Гейне]. Многовековое обилие неизбежных контактов с разными коренными народами и народностями России, человечность и простота русского человека привели к формированию особого Русского мира на территории Руси-России. Психологические причины этого удачно объяснил Л. Н. Гумилев: «Надо отдать должное уму и такту наших предков ... Они относились к окрестным народам как к равным, пусть даже непохожим на нас. И благодаря этому они устояли в вековой борьбе, утвердив, как принцип, не истребление соседей, а дружбу народов» [Никонов, 2017: 91].

И украинцы почти идеально встраивались в этот могучий мир. Мир по преимуществу – мира, добра и взаимопомощи. Никакого отличия или дискриминации, особенно между славянами, не существовало. Узкий национализм существовал как аномичное и неуважаемое явление (к тому же преследуемое государством). Это позволило в СССР формировать новую историческую общность «советский народ» (с присущими ему и негативными феноменами).

Это мало похоже на существование известных империй – Китайской, Римской, Монгольской и других, где подчиненные народы часто претерпевали дискриминацию или даже геноцид. Это не похоже на бесконечные и крайне жестокие войны на территории Европы на протяжении двух тысяч лет. Все это говорит о том, что Духовная цивилизация позволяет человечеству надеяться на духовно-нравственное выживание и развитие разных народов с опорой на относительное материальное благополучие.

«Братское» начало

Освальд Шпенглер ставит нам в укор акцент на братских отношениях, якобы с недооценкой индивидуальной силы и творчества личности (западноевропейского «Фауста»). Однако по обилию русских гениев, святых и героев, особенно в XIX-XX веках, по множеству достижений мирового уровня мы никак не отстаем от всей Европы и даже мира. Следовательно, можно сочетать «братское» и индивидуальное? Можно сочетать гениальность, фаустовскую выразительность, напористость и русскую простоту и душевность? *Не есть ли это «братское» надеждой на наше национальное более высокое самоосуществление?* На синергию в нашей цивилизации многообразного (в том числе научно-технического, технологического) творчества и духовно-нравственного консерватизма?

«Унизительно для человеческого достоинства»

В речи директора университетского пансиона А. А. Прокоповича-Антонского в 1798 г. прозвучали такие слова (в связи с Французской революцией): «Ах, время, время почувствовать, что просвещение без чистой нравственности и утончение ума без обогащения сердца есть злейшая язва, истребляющая благоденствие не единых семейств, но и целых народов» [Зеньковский, 2005: 19, цит. Прокоповича-Антонского]. Слова оказались инвариантно актуальными: Запад был, есть и будет силен «просвещением», «утончением ума» (например, десятикратное преобладание нобелевских

лауреатов из США над лауреатами из России-СССР). Но где она, нравственность западных политиков и многих обычных людей? Где «обогащение сердца» западного человека? Неужели это апология содомии и бесконечное расширение индивидуальной свободы? Как это сочетать с плохо скрываемым западным неуважением к чужим религиям, ценностям, культурам и путям развития? Бездушные открытия науки и техники, безнравственное применение их в неокOLONIALИСТСКИХ, финансовых и геополитических целях, большой обман более слабых стран и народов – это реальность Западной цивилизации.

Немного позднее – в 30-е гг. XIX века – в трудах «любомудра», князя В. Ф. Одоевского, отмечалось, что на Западе «духовные начала утратили свою силу». Например, в Англии он увидел такое торжество промышленности и расчетливости, что это стало «унизительным для человеческого достоинства». Правда, князь напрасно понадеялся, что «обрусевшая Европа ... как новая стихия, оживит старую, одряхлевшую Европу» [Зеньковский, 2005: 22, цит. Одоевского]. Судьбоносное развитие Западной цивилизации такими путями не может измениться.

Вот эта странная русская оценка Одоевским «прогрессивного» развития Великобритании: *«унизительно» для человеческого достоинства. А ведь князь, говоря проще, напоминает о высшем, небесном, с чем связан человек. А ведь человек не может быть чересчур переориентирован на вопрос денег, доходов, наслаждений, материального развития и прибыли. Пусть даже при этом и расцветает родная страна, богатеет народ и каждая личность. Такая переориентация действительно унизительна и оскорбительна. И это прекрасно понимал поэт Г. Гейне, отказавшийся работать на родственника-банкира и безмерно богатеть. И это прекрасно понимал философ Л. Шестов, отказавшийся посвящать свою жизнь семейному бизнесу. Есть еще, оказывается, жизнь как жертва поэзии, жизнь как жертва философии, жизнь как жертва религии и так далее. Есть еще «обогащение сердца» и «утончение ума» (без жадной меркантильности).*

А Запад говорит и понимает исключительно свое – земное, светское (в духе динамического успеха и материального процветания). И гармония этих двух начал – духовного и вне-духовного (вплоть до бездуховного) – не обнаруживается. Гармония христианской веры и земного разума (в духе Томаса Аквината) почти аннигилирована на «процветающем» Западе. О нем, как и о СССР, тоже можно сказать словами А. Зиновьева: «Зияющие высоты».

Бунтари Запада

В Западной цивилизации при этом находятся маргиналы, бунтари, которые приоткрывают механизмы западного успеха и процветания. Например, известный американский «экономический убийца» и писатель Джон Перкинс: *«Экономические убийцы (ЭУ) – это высокооплачиваемые профессионалы, которые выманивают у разных государств по всему миру триллионы долларов» – в сейфы корпораций, банков и семей, контролирующих мировые природные ресурсы. При этом используют разнообразные средства: «мошеннические манипуляции с финансовой отчетностью, подтасовка при выборах, взятки,*

вымогательство, секс и убийства» («я написал эти слова в 1982 году») [Перкинс, 2005: 13]. Это как-то не слишком морально, но явно и слишком меркантильно. И это не может быть долгоиграющей стратегией международных отношений и мирового развития.

О деградации Запада писал и блестящий американский аналитик Збигнев Бжезинский: «К тому же, и США, и странам Западной Европы оказалось трудно совладать с культурными последствиями социального гедонизма и резким падением в обществе центральной роли ценностей, основанных на религиозных чувствах. (В этом отношении поражают ... параллели, относящиеся к упадку империй)» [Бжезинский, 2017: 250]. Отказ от христианской религиозности оценивается «королем» американской аналитики как едва ли не *признак скорой гибели западной «империи»*.

Неужели аналитик проговорился, договорился до такого предположения, которое высказывал еще Ф. М. Достоевский? Вот оно: «Цивилизация, откинув религию, тем самым признала смерть свою» [Достоевский, 1982: 75]. Разумеется, «смерть» красивую, богато обставленную, с виду и не смерть, а блестящее прогрессивное развитие.

Тем более что, согласно Бжезинскому, на Западе «в наиболее сознательных кругах начинает ощущаться чувство исторической тревоги и, возможно, даже пессимизма» [Бжезинский, 2017: 250]. Удивительно, что в постсоветских странах, сближающихся в двадцать первом веке с США, этот «нюанс» адекватно не оценивается. Так велика жажда жить обеспеченно, в «социальном гедонизме».

А что касается борьбы за самосохранение национальных культур, то это тоже точно и научно подмечено Бжезинским: «Общий фундаментальный элемент культуры незападных народов – это вызванное Западом глубочайшее негодование» (цит. Donald J. Puchala). Если так пойдет дальше, то демократические ценности у этих народов потеряют «историческую актуальность» [Бжезинский, 2012: 52]. И мы наблюдаем в XXI веке явную самооборону мусульманских, некоторых православных и других народов против всепоглощающей и агрессивной западной культуры с ее гедонистическим соблазном и духовной пустотой. И это одна из главных причин исламского терроризма и левого, антиглобалистского движения.

«Глубочайшее негодование»

«Глубочайшее негодование» незападных народов, в том числе российского (русского), еще не проявилось в возможной мере. А «козырные» ответы Запада все более слабеют и предвещают, в некоторой возможности, *упадок Западной цивилизации и утрату ею глобального превосходства*.

Никак не просматриваются на Западе новые и необходимые миру идеологические и ценностные инновации. И Бжезинский не смог, оставаясь на проамериканской позиции, что-либо предложить. Как заметил Гоголь, «мир уже не в силах прямо встретиться с Христом» [Зеньковский, 2005: 36-37, цит. Гоголя] или, добавим, с каким-либо нелиберальным гуманистическим началом. Мир чувствует, что, как писали еще славянофилы, «на Западе закончилось внутреннее развитие живых начал, когда-то создавших европейскую культуру». Чувствуется

«исчезновение духа живого в Европе, исчезновение творческих сил и внутренней цельности, какое-то *саморазрушение*» [Зеньковский 2005, 45].

И, опять-таки, на уровне во многом внелогическом, как бы пророческом, П. Я. Чаадаев говорит «недоказанные» слова: «России суждена великая духовная будущность: она должна разрешить все вопросы, о которых спорит Европа» [Зеньковский, 2005: 43, цит. Чаадаева]. Какие вопросы? Каким образом? Что не так с Европой? Над этим надо чрезвычайно серьезно размышлять. Возможно, что и постоянно, в новые и новые времена. Проблема слишком сложна, чтобы торопиться и обманывать себя рационально-логическими или «пророческими» ответами. Уже хотя бы потому, что есть *самоорганизация* Западного мира, когда вдруг являются неожиданные решения (что уже случалось).

Природа и личность русского народа

В конечном счете «нюансы» метафизики приводят к христианской антропологии. Она рассматривает человека как состоящего из двух основных начал – *личности и природы*.

Личность, согласно В. В. Зеньковскому, – это то инвариантное, божественное в человеке, что «уходит корнями в метафизическую сферу неповторимости, единственности, незаменимости». Вероятно, это строго индивидуальные образ и подобие Божие в глубине души человека. Природа же человека – это изменчивая «биологическая и социальная наследственность» [Зеньковский, 2005: 178]. И, конечно же, личность тем более индивидуализируется потому, что она едина с изменчивой и особой у каждого человека его природой, с его уникальным миром.

С точки зрения *природы*, русский народ и его цивилизация противоречивы и несовершенны. Хотя даже западные русофобы порой отмечали достоинства нашей природы. Например, немецкий дипломат Адам Олеарий (XVII в.) отмечал «смышленость» русских и умение ремесленников великолепно перенимать навыки у немцев. «Изумлялся я золотых дел мастерам» [Олеарий, 1906: 207].

А французский маркиз Астольф де Кюстин (XIX) (к нему во многом незаслуженно прикреплен ярлык русофоба) писал: «Русские останутся мною недовольны ... Между тем, никто более меня не был потрясен величием их нации и ее политической значительностью. Мысли о высоком предназначении этого народа, последним явившегося на старом театре мира, не оставляли меня на протяжении всего моего пребывания в России. В массе своей русские показались мне грандиозными даже в отвратительнейших пороках, поодиночке они держались со мной любезно; характер русского народа, по моему убеждению, достоин интереса и сочувствия» [Кюстин, 2008: 18].

С точки зрения *личности* (вероятно, это метафизическая русскость), русский народ и его Духовная цивилизация явно специфичны в сравнении с западными народами и цивилизацией.

Во-первых, это *незабвение Бога*, хотя соблазны материального благополучия и наслаждений чрезвычайно велики. Все люди, так или иначе, в какой-то мере «чичиковы», то есть эгоисты и «эпикурейцы-приобретатели» [Зеньковский, 2005: 180]. *Но русскому этого мало*. Да, он тоже хочет жить

хорошо, он поддается очередной социально-исторической трансформации, но не может не *возвратиться* к первоначальным истокам. Вдруг плачет перед Богом и просит прощения. Кается.

Во-вторых, он смотрит вверх и ищет *высший* путь, даже радикально *невиданный и не просчитанный*. Он не хочет только «скромного обаяния буржуазии». Проигрывает, страдает, но не изменится никогда. Потому, что это его метафизика, его *личность*.

Почему Духовная цивилизация *победит*? А потому, что, как мыслит А. С. Панарин, «ценности спасения выше ценностей обогащения». И «сотериологический мотив: спасения природы, спасения культуры, спасения человека» *выше* эгоистического успеха и обогащения (цивилизаций и личностей) [Панарин, 2006: 48].

В-третьих, как продолжение второго пункта, это *неэгоистическое и братское начало* народа как основное. Оно, конечно, исторически искорежено, недостаточно, но оно есть, оно традиционно и слишком укоренено в русском менталитете и психологии. Оно нынче прячется за прирастающей к русскому маской индивидуализма и приобретательства.

В-четвертых, это хорошее *различение вне(без)духовного и духовного*. Нравственный взгляд на то или иное действие. У западного человека это подпорчено в такой степени, что черное он может оценить как белое.

В-пятых, это энтузиазм и энергетика *побороться за правое дело*. Даже умереть. Умереть за болгар, истребляемых турками, умереть за социалистический Вьетнам, умереть за Русский мир на Донбассе. Умереть за тех, кто страдает и просит о помощи, кого терзает демоническая сила. Это – *духовность*.

А Западу нужна от Духовной цивилизации только «*духовная капитуляция*». Чтобы Бог прогнулся под дьявола. В виде вечного «догоняющего развития», бедности и безнадежности значительных масс, с «вечной зависимостью от Запада и вечным комплексом неполноценности» [Панарин, 2000: 70]. И тогда он, конечно, признаёт нас и назовет, наконец-то, братьями. Правда, фальшиво, со скрытым презрением.

Вероятно, на самом деле, Бог с дьяволом борются не только в душе человека, но и в его непростой жизни (а другой жизнь не бывает), в культуре, в истории, в человечестве. И в какие-то этапы истории побеждает дьявол. Гениальный критерий оценки предложил Аксаков: «*Не слышать ни души, ни сердца – ни одной ноты любви*: они продукт головной, сухой, отвлеченной рассудочности» [Зеньковский, 2005: 68, цит. Аксакова]. А «в основании ... лежит *отвержение Бога*, следовательно, отвержение всего, что святит человека и с ним всю природу» [Зеньковский, 2005: 68, цит. Аксакова]. В. Ф. Эрн об этом тоже, по-своему, говорит: в России должен восторжествовать не рационализм, а Логос. Эрн говорит о «познании истины силами логоса», что «означает вместе с тем усвоение божественной силы, исходящей от Логоса» [Зеньковский, 2005: 112, цит. Эрн]. *От Божественного Логоса*.

Заключение

Подобная пассионарность России известна исторически и культурно, и она *может актуализироваться снова*. Возможно, что это пассионарный «путь мирового духовного лидерства» [Курносков, 2016: 279], который доступен только одному народу (возможно, группе народов) и одной цивилизации. Возможно, пора вспомнить Г. В. Ф. Гегеля, который пришел к мысли, что всегда является в определенный период всемирной истории некий народ, выражающий «данную ступень в движении мирового духа, духи других народов бесправны» [Гегель, 2007: 435].

Даже если это и не так, то нам не надо останавливаться и уступать свои ценности.

«Впадем в руки Господа, а не в руки людей; ибо, каково величие Его, такова и милость Его» (2, 18, *Книга премудрости Иисуса, сына Сирахова*).

Список литературы

Бжезинский, 2017 – *Бжезинский З.* Великая шахматная доска. М.: изд-во АСТ, 2017. 256 с.

Бжезинский, 2012 – *Бжезинский З.* Стратегический взгляд: Америка и глобальный кризис. М.: Астрель, 2012. 285 с.

Гегель, 2007 – *Гегель Г. В. Ф.* Философия права. М.: Мир книги, Литература, 2007. 464 с.

Достоевский, 1981 – *Достоевский Ф. М.* ПСС в 30 т. Т. 23. Дневник писателя за 1876 год. Май – октябрь. Л.: Наука, 1981. 423 с.

Достоевский, 1982 – *Достоевский Ф. М.* ПСС в 30-ти т. Т. 24. Дневник

Меттан, 2016 – Меттан Ги. Запад-Россия: тысячелетняя война. М.: Паулсен, 2016. 464 с.

Нарочницкая, 2004 – *Нарочницкая Н. А.* Россия и русские в мировой истории. М.: Международные отношения, 2004. 536 с.

Никонов, 2017 – *Никонов В. А.* Лидерство по-русски. М.: Изд-во «Э», 2017. 528 с.

Олеарий, 1906 – *Олеарий А.* Описание путешествия в Московию и через Московию в Персию и обратно. СПб.: Издание А. С. Суворина, 1906. 582 с.

Панарин, 2000 – *Панарин А. С.* Глобальное политическое прогнозирование. М.: Алгоритм, 2000. 352 с.

Панарин, 2006 – *Панарин А. С.* Правда железного занавеса. М.: Алгоритм, 2006. 336 с.

Перкинс, 2005 – *Перкинс Джон.* Исповедь экономического убийцы. М.: Pretext, 2005. 319 с.

Св. Иоанн Кронштадтский, 2012 – Святой праведный отец Иоанн Кронштадтский. Я предвижу восстановление мощной России. Отв. ред. О.А. Платонов. М.: Институт русской цивилизации, 2012. 640 с.

Тютчев, 2016 – *Тютчев Ф. И.* Россия и Запад. М.: Институт русской цивилизации, Родная страна, 2016. 592 с.

УДК: 101.2+ 32.019.51

Суслов И. В.,

*кандидат социологических наук,
старший научный сотрудник лаборатории «Цифра», Саратовский
национальный исследовательский государственный
университет имени Н. Г. Чернышевского;
доцент кафедры философии,
Саратовская государственная юридическая академия*

Тихонова С. В.,

*доктор философских наук, доцент,
профессор кафедры теоретической и социальной философии,
Саратовский национальный исследовательский
государственный университет имени Н. Г. Чернышевского;
старший научный сотрудник НОЦ практической и прикладной
философии, Южно-Уральский государственный университет (НИУ)*

Как философ превращает философию в идеологию: Мишель Онфре

DOI: 10.33979/2587-7534-2025-1-176-183

Статья посвящена проблеме синкретичности философии и идеологии в деятельности практических философов. Авторы рассматривают проблему демаркации идеологии и философии, опираясь на предметные и мотивационные различия, и приходят к выводу о том, что различия между теоретической и практической философией конвенциональны, являются результатом развития академической традиции и не характерны для современной философии как праксеологической сферы. На примере творчества Мишеля Онфре они показывают, как современный философ может превращать академическое исследование истории философии в идеологическую форму. Мишель Онфре моделирует собственный проект философского образа жизни как окопное сопротивление капиталистической микрофизике власти, дегуманизирующей и отчуждающей человека. Философствование, передаваемое массам безвозмездно, становится способом анархической приватизации повседневности как пространства самотворчества личности и идентичности субъектом.

Ключевые слова: философия, идеология, мировоззрение, история философии, политический проект, окопное сопротивление, забота о себе, Мишель Онфре.